

Kл $\frac{4}{488}$

К 438

**О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ**

НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ.

РѢЧЬ,

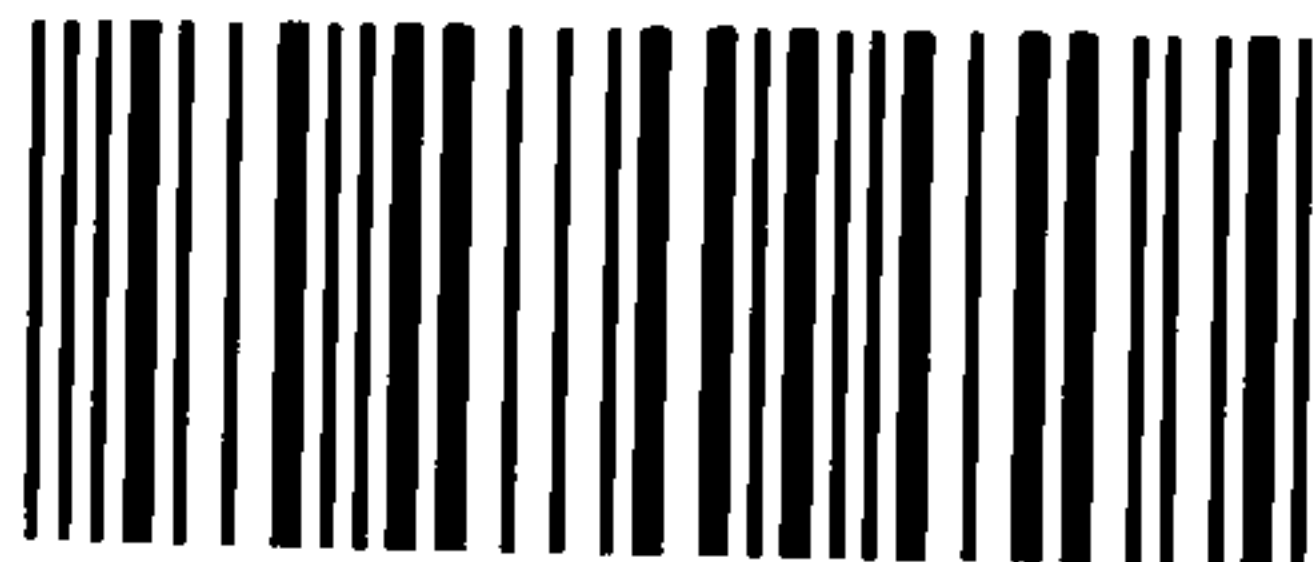
НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПРОИЗНЕСЕНІЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

1862 года,

Ординарнымъ Профессоромъ А. Каченовскимъ.

2007058739

Из коллекции

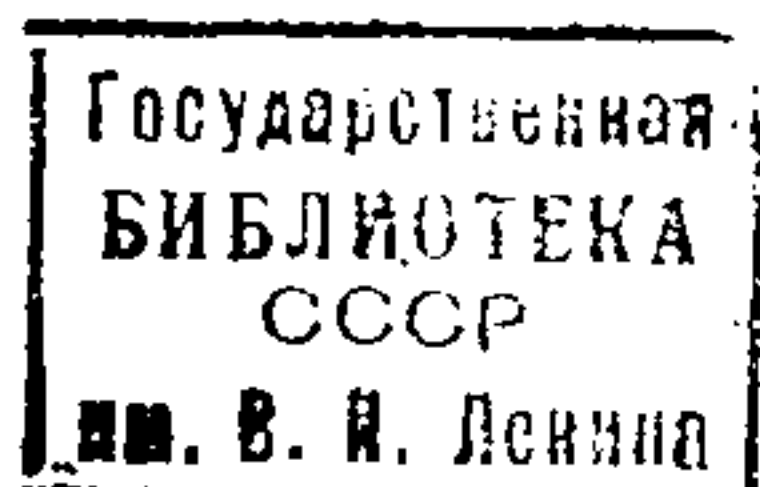
профессора

В. И. Мабаря

.... Separat hoc nos
A grege mutorum; atque ideo venerabile soli
Sortiti ingenium, divinorumque capaces,
Atque exercendis capiendisque artibus apti,
Sensum a cœlesti demissum traximus arce,
Cujus egent prona et terram spectantia. Mundi
Principio undulsit communis conditor illis
Tantum animas, nobis animum quoque, mutuus ut nos
Affectus petere auxilium et præstare juberet,
Dispersos trahere in populum, migrare vetusto
De nemore, et proavis habitatas relinquere silvas;
Aedificare domos, laribus conjungere nostris
Tectum aliud, tutos vicino limite somnos
Ut collata daret fiducia; protegere armis
Lapsam, aut ingenti nutantem vulnere civem,
Communi dare signa tubâ, defendier isdem
Turribus, atque unâ portarum clave teneri.

Juvenal. XV, 142 -- 158

Kn 484

23896-58

I.

Мм. Гз.

Жалобы на недостатокъ у насъ общественныхъ дѣятелей слышатся теперь отовсюду. Мы пришли къ убѣжденію, что самыя обдуманныя и добросовѣстныя реформы не достигаютъ цѣли, если ихъ нѣкому ввести въ жизнь, примѣнить и поддержать. Мы чувствуемъ, что свобода не только даетъ права гражданамъ, но налагаетъ на нихъ новыя и притомъ тяжкія обязанности, увеличиваетъ отвѣтственность всѣхъ и каждого, требуетъ неусыпныхъ трудовъ на пользу страны и постоянной энергіи. Не смотря на разномысліе почти во всемъ, мы согласны въ томъ по крайней мѣрѣ, что намъ нужны люди, способные честно и съ пользою служить народу и государству. Но гдѣ взять ихъ? Какъ приготовить и образовать? Чему учить? Вотъ задачи, которыя настоятельно требуютъ рѣшенія.

Сказать правду, мы до настоящего времени серьезно не думали помочь этому недостатку. Между тѣмъ какъ въ Европѣ давно открыты средства къ гражданскому воспитанію, у насъ немногіе сознавали даже его необходимость. Изученіе законовъ общественной жизни и народныхъ потребностей шло въ Россіи чрезвычайно медленно, стрывочно и, если можно такъ выразиться, безсвязно. Политическія свѣдѣнія добывались случайно — съ помощію наблюдательности и жизненнаго опыта, или же какъ-бы украдкою, именно за границею, въ тамошнихъ университетахъ. Наука о государствѣ была въ нашемъ отечествѣ заносною, тайною, загадочною наукой, не прививалась къ землѣ, не пускала корней, не давала плодовъ. Хотя, по видимому, управленіе такою обширною и многосложною страной, какъ Россія, требуетъ знанія, но мы довольствовались искусствомъ и навыкомъ. Коснѣя въ невѣжествѣ, мы достигали порядка силою и приказаніями съ одной стороны, терпѣніемъ и повиновеніемъ съ другой. Это неудивительно. Вся государства сложилась естественно, посредствомъ народнаго притяженія и съ помощію благопріятныхъ обстоятельствъ; многія изъ нихъ становились крѣпкими и страшными для сосѣдей; многія живутъ и до сихъ поръ, не чувствуя потребности въ наукѣ, такъ точно какъ есть на свѣтѣ люди, которые никогда не учились и между тѣмъ благоденствуютъ. Но удивительно то, что даже теперь, когда наши понятія о гражданственности измѣнились, когда мы говоримъ о прогрессѣ, нѣкоторые думаютъ, что наука о государствѣ намъ не нужна, что безъ нея пока удобно обходиться. Такъ

разсуждаютъ не одни обскуранты, но почти все положительныя, или практическіе люди. «У насъ еще можно повременить съ политическимъ воспитаніемъ, толкуютъ они; оно разовьется само собою; наука не пересаживается изъ одной земли на другую; она вырастетъ сама вмѣстѣ съ учрежденіями? Напрасно будете вы возражать, что въ Европу ее пересаживали изъ Греціи и Рима въ средніе вѣка. Васъ не захотятъ слушать; вамъ скажутъ въ отвѣтъ: «то была не наука, а схоластика! За чѣмъ въ Россіи вводить схоластику?». Странныя сужденія! И не такихъ еще слушаешься, если только захочешь слушать! Любопытнѣе всего ссылки и примѣры, которыми люди доказываютъ, что политическія науки въ Россіи не нужны. «Посмотрите на Англію, говорятъ они, тамъ этихъ наукъ не преподають въ университетахъ, *значитъ онѣ и не существуютъ!* Впрочемъ Европа — другое дѣло: въ ней государства искусственныя, ихъ поддерживаетъ ученая политика; Европа и книги въ руки; не даромъ же онѣ пишутся! А мы жили и будемъ жить по старому, по своему! Родится наука о Русскомъ государствѣ — хорошо, а не родится — и не надо!». Спрашивается, что это значитъ — жить по старому? Очевидно, на азіатскомъ положеніи, неподвижно, съ вѣрою въ свою силу, пока она есть, закрывши глаза на чужой опытъ и примѣръ, не любопытствуя ни чего знать, кромѣ того, что происходитъ передъ глазами, покоряясь судьбѣ, съ самоотверженіемъ на лицѣ и глубокимъ спокойствіемъ души. Это умирительно, хотя не весело. Долго придется намъ ждать

самородной науки о государствѣ! Можетъ быть, еще тысячу лѣтъ.

Впрочемъ нетерпѣливымъ совѣтуютъ заняться науками естественными. Въ этихъ наукахъ, по общему мнѣнію практическихъ людей, умъ находитъ полное удовлетвореніе. Здѣсь нѣтъ ничего туманнаго; все точно, размѣрено, предъусмотрѣно, понято, раскрыто. А политика — это море обширное и неизвѣданное; оно заманчиво, но въ немъ на каждомъ шагѣ мелн, подводные камни и опасности. Общественныя истины добываются медленно, требуютъ повѣрки; примѣненіе ихъ къ практикѣ зависитъ не отъ доброй воли, а отъ вѣшнихъ условій; наука же о государствѣ, безъ опыта, есть наука мертвая и отвлеченная.... Но нужно ли продолжать? Намъ знакомы пѣсни на этотъ ладъ. Всѣ онѣ похожи одна на другую. Люди воображаютъ, будто въ наше время народъ, желающій воспользоваться выгодами европейскаго просвѣщенія, воленъ избрать для себя одну какую-нибудь отрасль наукъ и бросить остальные. «Вѣдь не всѣ же успѣваютъ во всемъ!». Разумѣется! Насильно никого нельзя сдѣлать разностороннимъ. Способности народовъ неодинаковы; о вкусахъ также не принято спорить. «Арабы, напр., въ нѣкоторыхъ наукахъ сдѣлали открытія; другими вовсе не занимались. Это не мѣшало имъ считаться образованнымъ народомъ». Но Арабамъ пророкъ запретилъ усовершенствовать свое государство. И благодаря этому одному запрещенію, ихъ общественная жизнь скоро сдѣлалась невыносимою; всѣ ихъ знанія оказались ненужными, непрочными, потеряли цѣну и, можетъ быть, принесли

больше пользы другимъ, чѣмъ имъ самимъ. Подъ именемъ просвѣщенія теперь разумѣютъ гражданственность. Европа превосходитъ другія части свѣта не потому еще, что ея физическія силы (населеніе, войско, естественныя богатства и проч.) громадны и неодолимы, но потому особенно, что въ ней государства благоустроены. Ея всемірное вліяніе объясняется не столько умственнымъ перевѣсомъ, сколько средствами, которыми она представляетъ — примѣнитъ полезныя свѣдѣнія, изобрѣтенія и открытія къ практикѣ, возвыситъ и усовершитъ ими общественный бытъ. Въ этомъ главное дѣло. Естественныя науки и медицина въ большей или меньшей степени развиты и у Китайцевъ и у Японцевъ; искусства процвѣтали и въ Индіи и въ Египтѣ. Но истинной гражданственности здѣсь все-таки нѣтъ и не было; государства управлялись насиліемъ, произволомъ, случаемъ; личность человѣческая не находила въ нихъ защиты; знаніе не имѣло вліянія на жизнь. Мы считаемъ древнюю Грецію колыбелью гражданственности именно за то, что здѣсь впервые обнаружилась сила общественного разума и творчества, потому что здѣсь была признана свобода основаніемъ союза между людьми. Въ исторіи просвѣщенія, науки естественныя, конечно, занимаютъ высокое мѣсто, но онѣ направлены, исключительно къ объясненію законовъ міра вѣшняго, въ которомъ люди и общества живутъ, но который не ими устроенъ и поддерживается. Изученіе физическихъ законовъ, само по себѣ необходимое, приносить еще ту пользу въ быту гражданскомъ, что содѣйствуетъ мате-

ріальному прогрессу государствъ. Дѣлать завоеванія въ области природы есть одна изъ дорогихъ привилегій чловѣка; побѣды, здѣсь одержанныя, прочіе военныхъ триумфовъ. Есть изобрѣтенія и открытія, которыя производятъ даже переворотъ въ жизни всѣхъ народовъ, напр. изобрѣтеніе пороха, открытіе новыхъ путей и способовъ сообщенія въ наше время. Но естественныя науки имѣютъ свою задачу, а государства — свою. Цѣль государства состоитъ не въ томъ, чтобы изучать или покорять внѣшнюю природу, а въ томъ больше и прежде всего, чтобы устроить чловѣческія отношенія справедливо и разумно. Если мы представимъ себѣ народъ, въ которомъ распространены свѣдѣнія въ наукахъ естественныхъ, но которому вовсе не извѣстны или непонятны законы общежитія, такому народу, при всей его учености, еще необходимо дѣлать гражданскіе опыты и упражненія, чтобы достигнуть благосостоянія. Гражданственность есть искусство и наука; она пріобрѣтается людьми мало по малу, путемъ совместной жизни. Можно быть отличнымъ натуралистомъ, медикомъ, математикомъ и оказаться ребенкомъ въ распознаваніи и оцѣнкѣ причинъ, отъ которыхъ зависятъ возвышеніе и упадокъ государствъ, въ управленіи дѣлами общественными, даже въ обсужденіи интересовъ народныхъ или публичныхъ. Міръ политическій своеобразенъ, въ немъ происходятъ явленія особеннаго рода (*sui generis*); въ немъ работаютъ силы, неизвѣстныя растительному и минеральному царству, при-мѣняются законы, созданные чловѣкомъ, укрѣпленные исторією, развивающіеся вмѣстѣ съ обществомъ. Одинъ

животные инстинкты и страсти не только не поддерживают государства, но губят его, если допустить ихъ необузданную игру, основываясь на томъ, что она терпима и законна въ природѣ. Въ государствѣ, гдѣ кто-нибудь сталъ бы обращаться съ низшими, какъ хищныя птицы обращаются съ домашними, или большія рыбы съ маленькими, ссылаясь на естественный порядокъ видимаго міра, въ такомъ государствѣ было бы очень неудобно жить. Экономія физической природы устроена иначе, чѣмъ экономія общественная. Аналогіи здѣсь не всегда у мѣста; сравненія и сближенія нужно дѣлать осторожно и съ толкомъ. Но въ Россіи любятъ модныя теоріи и, если только онѣ кажутся передовыми, заимствуютъ ихъ на-вѣру и пускаютъ въ ходъ, не заботясь о результатахъ. Въ последнее время духъ натурализма обуялъ нѣкоторые молодые, но къ несчастію некрѣпкія, головы поборниковъ нашего прогресса. Онѣ вносятъ этотъ духъ туда, куда не нужно, воображая, что науки общественныя отъ этого выиграютъ. Одинъ натуралистъ и веселый человѣкъ, Карлъ Фогтъ, чуть было не основалъ на Руси школы мрачныхъ политическихъ мыслителей. Восхищаясь устройствомъ пчелиныхъ ульевъ и муравьиныхъ роевъ, находя идеаль порядокъ и гармонію въ движеніи стада и полетѣ саранчи, онъ рекомендуетъ роду человѣческому подражать естественной жизни рогатаго и всякаго скота. Эти шуточные рекомендаціи, вызванныя безурядицами въ Германіи и неудачною дѣятельностью Франкфуртскаго сейма, у насъ принимались въ свое время цѣлыми круж-

ками, серьезно, за последнее слово мудрости ¹. Къ счастью, или къ несчастью, онъ безполезны. Можетъ быть, родъ человеческій и страдаетъ отъ слишкомъ сильной увѣренности въ своемъ превосходствѣ надъ другими животными, но что дѣлать? Ему трудно отказаться отъ своей оригинальности. Онъ не способенъ къ крутымъ реформамъ въ скотскую сторону. Жизнь людей нѣсколько сложнее, разнообразнѣе и свободнѣе жизни пчелъ и муравьевъ; она не такъ сосредоточена и ограничена; съ нею не такъ удобно справиться; чтобы ее анализировать, нужно наблюдать многосторонній ея отправления долго и пристально: она не закреплена въ неподвижныя формы и не всегда идетъ регулярно, спокойно, какъ жизнь, управляемая инстинктомъ. Для улучшенія государственнаго быта требуются другія свѣдѣнія, чѣмъ для ухода за пчелами или для успешнаго исполненія должности пастуха. Иначе придется самому ходить во мракъ и сбивать съ толку, или путать другихъ. Короче сказать, пынѣшній натурализмъ не имѣетъ силы удовлетворительно объяснить какія бы то ни было политическія явленія! Чтобы постигнуть законы, дѣйствующіе въ обществѣ, всего лучше изучать ихъ непосредственно, безъ заданныхъ напередъ и взятыхъ заимобразно, на-вѣру теорій. До сихъ поръ спеціальная обработка была необходима для развитія всѣхъ наукъ: онъ или независимо одна отъ другой, подвигались впередъ своими силами, безъ вторженія въ

¹ C. Vogt, Thierstaaten (Bilder aus dem Thier- und Menschenleben). Frankf. 1850. I.

чужія области. Въ наукахъ гуманныхъ, какъ и въ естественныхъ, люди донскивались истинны опытомъ и мышленіемъ, прилагали совместно и попеременно анализъ и синтезъ: первый для разбора фактовъ и при оцѣнкѣ новыхъ явленій, второй—для сведенія результатовъ въ одно цѣлое. Иначе можно было бы потеряться и запутаться въ массѣ разнородныхъ знаній. Та-же дорога, думаю, предстоитъ намъ въ Россіи, если мы только желаемъ пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія. Наше положеніе, сравнительно съ старыми народами, очень выгодно: мы имѣемъ передъ собою готовый синтезъ европейской науки и собственный нетронутый міръ для анализа. Полная самостоятельность недостижима разомъ, но пріобрѣтается мало по малу трудомъ и опытомъ. Рунуть все старое, безъ толку, во имя оригинальности, и создавать новое, оригинальное — не одно и то-же. Мы думаемъ, будто законы, по которымъ движется наука и общество, писаны не для насъ, а для другихъ, и безпрестанно сбиваемся съ прямого пути, воображая, что путь косвенный — короче. Эта поспѣшность отнимаетъ силы у Русскаго человѣка и приводитъ его къ бездѣйствію въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно глубоко вѣрить въ свои дарованія, привѣтствовать съ поклономъ всѣ новомодныя теоріи, даже сочувствовать успѣхамъ человѣческаго ума и въ то-же время не принимать участія въ развитіи знанія. Русскій человѣкъ до сихъ поръ охотно избѣгалъ серьезнаго творчества и часто довольствовался тѣмъ, что ловилъ призраки и создавалъ себѣ разнаго рода кумиры. Ему нравится напр. энциклопедизмъ; онъ стремится имѣть понятіе

обо всемъ, чтобы считаться человекомъ образованнымъ въ семьѣ другихъ народовъ — и вотъ онъ схватываетъ верхи или отрывочные результаты изъ всѣхъ наукъ съ надеждою *связать ихъ въ одну истину*. Нѣкоторые видятъ въ этихъ попыткахъ доказательство геніальности, но, кажется, онъ преждевременны и беспильны. Онъ увеличиваютъ только умственный хаосъ, на который мы жалуемся, а другихъ плодовъ отъ нихъ пока не видно. Едва ли гдѣ-нибудь можно найти такую путаницу въ понятіяхъ, какъ у насъ! Едва ли гдѣ-нибудь дилеттантизмъ стубилъ и губитъ столько силъ! Мы хватались рѣшительно за все и не изслѣдовали глубоко, основательно почти ничего. Если посмотрѣть на книжки нашихъ журналовъ, подумаешь, что науки въ Россіи процвѣтаютъ такъ, какъ нигдѣ! Мы беремъ отовсюду послѣднее открытіе, свѣжую мысль, сильное слово, но при этомъ не отличаемъ истины отъ лжи, и дорожимъ умственными блѣсками столько же, сколько умственными сокровищами. А если бы кто-нибудь захотѣлъ поискать научнаго матеріала для рѣшенія какого-нибудь крупнаго вопроса, то не нашелъ бы въ Русской литературѣ почти ничего. Въмѣсто послѣдовательной, преемственной работы, у насъ оказываются разбросанные и неконченные отрывки; вмѣсто дѣльныхъ руководствъ и составленныхъ съ толкомъ учебниковъ — компіляціи, сшитыя на живую нитку; вмѣсто оригиналовъ — жалкія коніи. И нельзя сказать, чтобы по нѣкоторымъ отраслямъ званія мы не имѣли добросовѣстныхъ спеціалистовъ! Иногда, среди общаго безплодія и пустоты, является одинокій и полезный трудъ, но онъ или не

былъ оцененъ по достоинству, или не вызывалъ къ дѣятельности продолжателей.

Все сказанное какъ нельзя болѣе относится къ наукѣ о государствѣ. Не даромъ многіе отказываются вѣрить, что она существуетъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, ни школа, ни литература не даютъ намъ основательныхъ политическихъ свѣдѣній. Почерпнуть ихъ можно развѣ изъ журналовъ, но и здѣсь видны кругомъ только претензіи, потраченные даромъ усилія и торжествующее шарлатанство. Самозванныхъ публицистовъ въ Россіи много; опытныхъ, знающихъ свое дѣло — очень мало. Правда, почти каждый борзописецъ считаетъ себя призваннымъ и готовымъ судить о политикѣ или упражняться въ рѣшеніи ея текущихъ вопросовъ. Но что же выходитъ отсюда? То, что Англичане называютъ энергическимъ словомъ: humbug *. Нѣтъ народа въ Европѣ, за исключеніемъ Турокъ, да можетъ быть, самыхъ угнетенныхъ Славянъ, который бы больше Русскаго народа отсталъ и меньше трудился въ наукахъ политическихъ.

Пора положить конецъ этому застою. Отъ чего бы онъ ни произошелъ, отъ лѣни или отъ неблагопріятныхъ вѣншихъ обстоятельствъ, — все равно. Сознавая, что невѣжество болѣе всего задерживало развитіе общественнаго порядка въ Россіи, мы должны бороться

* Слово это въ буквальномъ переводѣ значитъ: обманъ, надувательство. Оно употребляется для предостереженія публики отъ того, что выставлено на-показъ. Ложная наука, богатая громкими фразами и бѣдная содержаніемъ литература есть также humbug, по понятіямъ Англичанъ.

съ шмъ усиленнымъ трудомъ. Всемирная пословица говоритъ: лучше поздно, чѣмъ никогда. Серьезное политическое воспитаніе есть насущная потребность Русскаго общества. Политическія науки нужны намъ не только въ нынѣшнее время, но и для будущаго; онѣ содержатъ въ себѣ указанія, годныя для каждаго свободнаго народа, и рѣшаютъ общіе вопросы жизни. Чтобы усовершенать и обновлять государственнѣй бытъ, чтобы дѣлать полезныя преобразованія въ управленіи, всегда требуются свѣдущіе и опытные люди. Безъ людей никакія учрежденія не имѣютъ силы и крѣпости. Самая свобода погибаетъ, когда не находятъ просвѣщенныхъ защитниковъ. Предполагая даже, что настоящее поколѣніе не успеетъ пожать плоды политическаго воспитанія, — слѣдующее за нимъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ накопленный умственный капиталъ и найдетъ способы пустить его въ оборотъ. Вѣдь должно же оно чѣмъ-нибудь стоять выше отцовъ своихъ! Не можетъ быть, чтобы мы достигли крайнихъ предѣловъ развитія. Иначе роду человѣческому нѣкуда идти далѣе и нынѣшній прогрессъ кончится регрессомъ, т. е. движеніемъ назадъ!

Отсутствіе или упадокъ гражданскаго воспитанія въ странѣ влечетъ за собою болѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Когда умственное равновѣсіе потеряно, даже свѣдѣнія въ наукахъ техническихъ и естественныхъ кажутся несостоятельными, или по крайней мѣрѣ не вполне приложимыми къ жизни. Подъ именемъ умственнаго равновѣсія здѣсь разумѣется стройное, гармоническое развитіе человѣческихъ знаній въ